

А. Кажется, я понял, откуда исходило напряжение.

Я кивнул королю Зигфреду: - Спасибо за прекрасный подарок. У него есть имя? - спросил я, в то время как ярл Хоррик выглядел настолько бесстрастным, что было довольно легко понять, что он невероятно зол. Король одаривал меня подарками. Лошади были декларацией богатства. Арго, моя рабочая лошадка, выделяла меня как человека с деньгами, даже когда на самом деле у меня их не было. Но между старой рабочей лошадью и боевым конем была огромная разница. На последних ездили только таны, ярлы и короли. Я не был никем из вышеперечисленных.

Я погладил зверя, приучая его к себе, пока он смотрел на меня умными глазами. Король Зигфред покачал головой:

- Нет. Считаю, это моим даром. Благодаря твоим усилиям мы взяли крепость почти слишком быстро. - сказал он, когда я запрыгнул на лошадь. Это оказалось немного неудобно. Шкурки были пристегнуты ремнями, а лошадь сместила свой вес, когда я оказался на ней, но через секунду я уже сидел и смотрел на всех остальных. Я встретился взглядом с отцом, который не спеша окинул меня очень пристальным взглядом.

Ему не нужно было ничего говорить. Взгляд сказал все.

Следить за языком и не давать никаких обещаний.

Ярл Хоррик кивнул:

- Да. Мы рассчитывали провести здесь не меньше недели. Не говоря уже о том, чтобы взять крепость с первого штурма. Люди говорят, что ты сражался, как сам Тор, - заметил он со своеобразной ноткой в словах. Он явно подлизывался ко мне, как бы напоминая, кому я обязан заслуженному мне признанию, но в его голосе чувствовалась почти тихая тревога, когда мы

начали маршировать вперед с ярлом Хорриком и королем Зигфредом во главе. Его сын откровенно смотрел на нас с кислым видом, словно укусил что-то горькое, но потом стер это выражение с лица, когда увидел, что я обратил на него внимание. Я воспользовался случаем, чтобы взглянуть на священника, который смотрел на меня со страхом в глазах, и жестом велел ему следовать за собой.

- Преувеличение, - сказал я, быстро привыкая к верховой езде. Я слабо ухватился за гриву лошади, чтобы направить ее, но по большей части я позволял... Эпоне вести себя самостоятельно. Отец шел рядом с нами, а позади нас ехали хирды обоих мужчин - в общей сложности около шестидесяти человек, марширующих по грунтовой дороге, которая быстро превращалась в сплошное месиво грязи.

- Скромно, - заметил король Зигфред. - Но не стоит так быстро отвергать похвалу. Особенно когда она исходит от короля, - добавил он, не оборачиваясь ко мне. - Мне сказали, что ты уже не в первый раз проявляешь себя в бою. Нападение на ферму, отбитое в одиночку, спасение почти провалившегося рейда... и захват стен крепости для целой армии. Это, Поцелованный Волком, уже закономерность. - И король стал пристально смотреть на меня.

Я действительно не знал, что делать в сложившейся ситуации. Жаль, что я не натренировал дипломатию в большей степени, или даже интриги. Я чувствовал себя так, будто несу какой-то бред. Надо было взять Серебряный язык, когда у меня был шанс.

- Мы надеемся, что так будет и дальше, - сказал ярл Хоррик, не сводя с меня взгляда. - Щит, который моя дочь подарила тебе, пережил тяжелую службу. Доски были заменены, а буссоль восстановлена. Он будет готов к следующей битве. - И сейчас он говорил об этом, чтобы напомнить нам, что я помолвлен с его дочерью. Я сказал "нам", потому что это напоминание было адресовано как мне, так и королю Зигфреду.

- Спасибо, ярл Хоррик, - сказал я, поблагодарив его тем же тоном, что и при получении лошади, пока устраивался на ней для очень долгого и очень неловкого путешествия.

...

В конце концов, по мере того как шли часы, все погрузилось в неловкую тишину. Это дало мне время поговорить со священником, который маршировал рядом с нами со все большим трудом. Марш, в котором мы участвовали, не был долгим, но пройти восемь часов было непосильной задачей для тучного мужчины. Он также не терял своей смертельной хватки на кресте, что, конечно, не помогало ему.

- Как тебя зовут? - спросил я на германском, заставив его поднять на меня глаза.

- Отто, милорд, - представился Отто с легкой дрожью в голосе.

- Я не лорд, - быстро поправил я, заставив его сглотнуть.

Он отвернулся от меня:

- Что со мной будет? - спросил он, и это был справедливый вопрос. Я бы тоже хотел это знать на его месте.

- С этого момента ты мой раб, - прямо сказал я ему, не щадя его чувств. Он крепко сжал крест до побеления костяшек пальцев. - Ты будешь учить меня франкскому языку. И еще я слышал, как ты бормотал что-то еще - это был франкский? - спросил я его, получив нерешительное покачивание головой.

Он тяжело сглотнул: - Это была молитва, милорд. К Богу. Это было на... латыни, милорд, - объяснил он, немного запинаясь, когда я на него нахмурился. Я не мог не заметить, что он был чересчур пугливым.

Но он сказал кое-что, что привлекло мое внимание:

- Твой бог мертв. Как он может слышать твои молитвы? - спросил я, жестом указывая на крест, который он нес. Гвозди, пробившие его руки и ноги, может, и не убили бы его, но рана между ребрами пронзила его сердце. Это была смертельная рана.

Отто открыл рот, закрыл его, снова открыл, нервно облизнул губы, прежде чем после продолжительной паузы наконец нашел слова.

- Это Иисус Христос, сын Божий и наш Спаситель. Он умер за наши грехи, чтобы мы могли получить прощение за наши неудачи и проступки, если только мы раскаемся за них и прославим Его имя. - Он объяснял медленно, даже осторожно.

- О, теперь в этом гораздо больше смысла, - признал я. За этим стояла какая-то история, но гораздо логичнее было то, что они поклоняются не мертвому богу. - Значит, он не ваш бог?

- Нет, он наш бог, - поправил Отто, и все стало гораздо менее логичным. - Он... ах... есть отец, сын и святой дух - все они боги. Иисус был сыном Бога, но при этом он сам был Богом. - Он объяснял довольно неуклюже, и я надеюсь, что это был его страх, который путал объяснения, потому что с каждой секундой я все больше запутывался. - Это приобретает больше смысла, если принять, что Бог всемогущ. Он может быть собой и не собой.

Я нахмурился: - Никто не всемогущ. Даже Один должен подчиняться прихотям судьбы, - возразил я. Какая запутанная религия. - Если бы он был всемогущ, то мы бы не смогли противостоять на ваших стенах. Вы бы выиграли битву, и у нас не было бы этого озадачивающего разговора.